

ТАМОЖЕННЫЕ РИСКИ: МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

(Останин В.А., д.э.н., профессор, ВФ РТА)

Теория риска продолжает оставаться внутренне противоречивой теорией. Следует преодолеть две крайние позиции в понимании риска. С одной стороны, как опасность, с другой стороны, как вероятность наступления этого случайного события. Риск в статье понимается как логическая конъюнкция опасности и вероятности реализации этого случайного нежелательного события. Последнее составляет оригинальную научную трактовку понятия риска в рискологии. Наряду с доминированием управленческой стратегии «риск-менеджмента» имеет право на реализацию стратегии, ориентированной на «шанс-менеджмент», в том числе применительно к таможенному контролю.

Ключевые слова: *Риск, страх, опасность, шанс, квази риски, квази страхи, таможенные риски, таможенный риск-менеджмент, шанс-менеджмент,*

Известное латинское выражение о том, что если неизвестны термины науки, то неизвестна и сама наука, в полной мере можно отнести к теории риска вообще, и к теории таможенного риска, в частности. Для современной теории риска, как в России, так и за рубежом, характерным является положение, когда при употреблении одних и тех же терминов из области рискологии, тем не менее, смысл вкладывается различный. Наиболее известные две школы, которые в качестве исходных оснований первая полагают саму опасность, которая может наступить, а вторая в качестве риска понимает количественную оценку самой вероятности наступления

события. В результате риск предстает в теории как система двух контрарных, т.е. противоположных, суждений.

Однако, как мы уже неоднократно выражали свою научную позицию, риск может быть представлен не в форме контрарных суждений относительно своей природы, а как понятие, являющееся результатом умножения объёмов двух перекрещивающихся понятий, как это принято представлять сложное явление в формальной логике. Этот метод формирования исходных отправных концептов, безусловно, следует рассматривать как научный произвол самого исследователя, однако этот методологический подход характерен для каждого исследователя, желает он этого или не желает. Поэтому могут уже изначально вырастать различные ветви теорий, как системы некоторых абстрактных идеализированных теоретических образов изучаемого явления.

Дальнейшее богатство теорий, моделей может уже множиться за счёт разнообразия метода исследования, что также следует рассматривать как некоторую форму того же самого научного произвола. Однако метод исследования здесь предопределён дополнительно и самим объектом, наряду с научными интересами исследователя и его научными предпочтениями, культурой исследователя, научным потенциалом.

Вступать в дискуссию относительно эти исходных базовых установок в научном исследовании, лишено смысла. Критическому анализу может подвергаться логика исследования, корректному применению научного инструментария, наличие неполноты знания о предмете, несовершенстве метода, присутствие в нём логических противоречий, начиная с противоречий формальной, математической логики.

Поэтому результаты могут быть применены тогда, когда тот, кто их применяет в дальнейшем для построения моделей практического их использования, должен относиться к ним соответствующим образом.

Тем самым нами была пояснена, а не доказана теоретическая

состоятельность выбора в качестве исходного положения понимание исходной модели риска, как логической конъюнкции опасности реализации нежелательного события и вероятности наступления этой опасности.

Принимая данную модель, мы можем уже констатировать, что она не противоречит фундаментальной концепции Ф. Найта понимания риска как осознаваемой неопределённости. Риск здесь отличается от чистой неопределённости. Эта определяемая неопределённость реализует себя, выходит во внешность как количественная характеристика явления в форме вероятности наступления события.

Однако концепция Ф. Найта отражает исключительно только одну сторону этого явления, а именно, со стороны количества, оставляя за кадром качество этого явления. Суть, сущность в этом случае достигаться не может, ибо, по Гегелю, только единство, достигаемое в синтезе качества и количества способно сформировать меру, а потом и закон, который в данном случае следует понимать как существенное явления, или сущность в строгом смысле слова.

Тем самым наш методологический подход позволяет не отбрасывать эти две крайние научные позиции, а воспринимать их как одну из сторон более общей теоретической модели. Будучи односторонним выражением этого более богатого явления, риск вмещает в себя эти крайности, не отбрасывая, а преодолевая их односторонность. Таким образом, мы можем утверждать, что риск по определению есть не просто опасность или вероятность, а опасность, которая получила свое количественное выражение в форме вероятности. Риск – это оцененная вероятностью опасность реализации случайного события.

Следующий момент нашего принципиально отличающего понимания концепта понятия «риск» сводится к тому, что риск всецело лежит в области субъективного переживания индивидом возможного неблагоприятного события. Здесь следует ответить на один весьма принципиальный вопрос, где

лежит сама опасность, где лежит модель, ожидание, переживание этой опасности, или сама экзистенция. Утверждать положение, что риски объективны по своей природе исходит из очевидного положения, что наши теоретические модели отражают этот объективный для познающего сознания мир. Но есть мир отражаемый, объективно противостоящий познающему сознанию, и есть отражение этого мира в наших теоретических моделях, или в обыденном сознании. Мир оцениваемый, осознаваемый может находить своё пристанище исключительно в головах субъекта познающего. В противном случае мы можем допустить, что существует мир объективный в теоретическом своем оформлении вне самого индивидуального сознания. Если перефразировать известное высказывание, то можно утверждать, что эти переживания опасности с её количественной оценкой могут быть в некотором «безмозглom мышлении и чувствовании без самого чувствилища». Риск лежит в области переживания оцениваемой опасности, что отличает риск от страха. Одновременно риск как переживание есть противоположность шансу, как переживание возможной удачи, выгоды.

Страх есть более объёмное понятие по сравнению с риском, его денотат существенно шире. Страх есть переживание любой опасности, как опасности, которая может получить свое измерение и оценку на основе научной или обыденной человеческой практики. Страх, как и риск в этом случае есть аффекты души, которые вызывают дискомфортное бытие индивида и от которых человек стремится избежать. Стремление получать порции страха может исходить из природы человека, но это скорее лежит в сфере игры, забавы, когда человек получает удовольствие от переживания страха, его преодоления. Однако это можно отнести к исключениям, а не закону. Последний находит свои формы выражения в стремлении избежать страха, преодолеть его, снизить степень аффекта.

Человеческая практика выработала соответствующие методы управления страхами, а, следовательно, и рисками. Эта сфера человеческой

практики, закреплённая в обыденном и научном сознании, обыденной и научной практике носит название страхования в самом широком смысле этого денотата.

Само понятие страхование в обыденном языке, а также в научном обороте нагружено различными концептами. Поэтому есть определённый смысл под страхованием понимать как теорию страхования, так и практику страхования, опять же вкладывая различный смысл в само понятие «страхование». В широком смысле этого термина страхование есть форма самосохранения индивида, самосохранение организации, института, государства, всего мирового сообщества, внимающее в себя весь доступный арсенал ресурсов, понимания опасности потерь, конфликтов, регулирования дискомфорта бытия индивидов в обществе. Этим самым страхование отличается от концепта, которым оперируют профессиональные участники рынка страхования. На последнем его участники стремятся передать за определённую плату эти риски страховщикам в управление до уровня, допустимый остаток от которого они полагают возможным оставить у себя.

Однако если природа страха может находиться вне возможностей понимания и осознания его индивидами, т.е. его величина не может соответственно поддаваться качественному анализу и количественной оценке, то этот страх обречён сосуществовать как неизбежный нежелательный аффект, избавиться от которого индивид не в состоянии. Данный неосознаваемый страх может быть различным по степени переживания, переходя от испуга в ужас. Страхи как переживания души подлежат уменьшению, передаче тогда, когда индивид располагает для этого ресурсами. Второе условие необходимое, но недостаточное – в обществе должно сформироваться определённая система экономических отношений, позволяющая на основаниях эквивалентности полезности услуг и их ценности распределять эти страхи в сообществе. Другими словами, в обществе должен сформироваться рынок страховых продуктов.

Однако не все страхи подлежат страхованию, а только те, которые принимают форму осознаваемых и оцениваемых, или рисков. Ни одна компания не сможет принять на себя риски, которыми они по своей природе не являются, ни один субъект не избавится от страхов, если он не понимает их природы и величины. Страх и риск одной природы – аффекты от переживания опасности, являющиеся причинами дискомфортного бытия, и которые лежат в сфере субъективного переживания объективных опасностей. Тем самым мы обнаруживаем общность страха и риска. Если соотнести объёмы этих понятий, то объём понятия «страх» будет понятием подчиняющим, понятие же «риск» – понятием подчинённым, лежащим полностью в объёме понятия «страх».

Однако природа человеческих переживаний и порождаемые особенностями субъективного отражения и переживания объективного окружения дают достаточно оснований для утверждения о том, что некоторые опасности могут быть мнимыми. Это порождает мнимые страхи и соответственно мнимые риски, или квазириски. Последствия для индивида в любом случае будут только отрицательная. Если страхи преувеличены, то понимая и оценивая этот феномен как риск, индивид тратит свои ресурсы на снятие этой несуществующей квазиопасности, с надуманной вероятностью её наступления. Если же индивид преуменьшает опасность, то его поведение скорее напоминает поведение афериста.

Люди, не видящие опасности и риски, которые с этим связаны, сами являются объектами повышенной опасности для окружения, как для отдельных индивидов, так и для сообщества в целом. Последнее ещё более усиливается, если они обладают и реализуют отношения управления ценностями или самими людьми. Таким образом, можно сделать вывод, что страхованию в экономике подлежат только экономические риски, а не страхи вообще, т.е. страхи оцениваемые и осознаваемые индивидами как в сфере качества, так и количества, и которые могут преследовать субъектов

хозяйствования. Квазистрахи могут быть сняты самой духовной деятельностью, сфера которой лежит уже в психологии или психиатрии, когда преодолеваются соответствующие душевные делирии.

Таможенные риски несёт институт таможенного дела в лице ответственных должностных лиц, которым по своим должностным обязанностям вменена организация и осуществление таможенного контроля. Но одновременно риски несёт и сам участник этого процесса, актер – должностное лицо таможенных органов. Рискам нарушения таможенных процедур противостоит шанс недобросовестных участников ВЭД получить дополнительный доход на счёт уменьшения таможенных платежей. Вероятность риска и вероятность шанса есть величина постоянная и равная единице. Каково соотношение риска и шанса в действительности – есть проблема не только теории, но и действенности всей системы таможенного контроля в стране. Наконец, какими инструментами, механизмами располагают основные акторы этого процесса, чтобы получить в руки действенный инструментарий для формирования удовлетворяющей институт таможенного дела с позиции доступности ресурсов, законодательства, этики, т.е. общественных институтов государства.

Однако теоретическая модель усложняется, если мы будем принимать в расчёт более реальную ситуацию, когда ответственное должностное лицо таможенных органов начинает реализовывать оппортунистическую политику. Это должностное лицо, или лицо, принимающее решение, уже не может не выражать интерес государства в его форме интереса таможенного органа по наиболее полному выполнению всеми участниками таможенных правил. Фактически в этом случае должностное лицо начинает принимать на себя как риски, но одновременно и шансы, деформируя тем самым всю систему таможенного риск-менеджмента. Личные риски трансформируются в риски общественные, а само должностное лицо осуществляет интермедиацию риска. В результате риски могут, как накапливаться, так и

уменьшаться, в зависимости от доминирующих стратегий всех участников таможенного процесса. Систематическое сознательное нарушение таможенных правил способно накапливать риски, а внедрение действенных механизмов, которые осуществляли бы превенцию таможенных рисков, вели бы к снижению массы таможенного риска. (Понятие «масса риска» введено в научный оборот проф. Ю.В. Рожковым, и может получить своё дальнейшее развитие в теории таможенного риск-менеджмента¹).

Если под страхованием понимать как явление осмысленного взаимного общественного доверия в обществе, основанного на взаимном учёте и понимании как опасностей для общественного бытия, так и выгод, шанса от общественной практики, то риск-менеджмент есть не более как одна из многочисленных форм, своего рода акциденций, страхования.

Понимание риска как конъюнкции опасности и вероятности позволяет обогатить практику таможенного риск-менеджмента. Для этого следует, с одной стороны, усилить саму опасность для лица, который склонен к оппортунистическому поведению, а с другой стороны, – создавать механизмы, позволяющие увеличивать вероятность реализации риска для этого лица. Это создаст реальную возможность управлять как рисками, так и шансами.

«Шанс-менеджмент» как термин является несколько непривычным для человеческой практики и его словесного запаса. Однако по своему содержанию понятие «шанс-менеджмент» есть такое же приемлемое для научного и практического оборота понятие, как и «риск-менеджмент». Более того, индивиды ориентируются на удачу, на выгоду, обходя опасности, нейтрализуя риски и страхи. Шанс одного участника события, способного формировать конфликт интересов, есть риск другого. Вероятность реализации удачи одного с противоположными интересами, есть вероятность потерь для другого. Если не учитывать последнее, то сохраняются основания

¹ Рожков Ю.В., Дроздовская Л.П. О массе риска как инструменте банковского риск-менеджмента // Банковское дело. 2010. № 7

оставаться и далее в сфере неэффективного таможенного риск-менеджмента с одновременно более успешно реализующейся стратегией недобросовестных участников ВЭД и недобросовестных должностных лиц таможенных органов, предпочитающих одновременно стратегию, ориентированную на шанс. Однако последнее ведет только к одному – возрастанию массы риска для всего общества и связанных с этим возможных безвозвратных потерь.

Литература:

1. Рожков Ю.В., Дроздовская Л.П. О массе риска как инструменте банковского риск-менеджмента // Банковское дело. 2010. № 7. С.43–48.